

אשכולות
КУЛЬТУРООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

совместно
с Итальянским
институтом
культуры
в Москве

Совместно с Итальянским Институтом Культуры в Москве

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ ИЗ СЕРИИ «КУЛЬТУРА ЕВРЕЕВ ИТАЛИИ»

УМБЕРТО ЭКО И ЕВРЕЙСКАЯ МИСТИКА

Материалы к лекции
Марии Эндель и Михаила Визеля

Москва
октябрь 2013 г.
проект “Эшколот”
www.eshkolot.ru

Источники к лекции Марии Эндель

Эпиграф к «Маятнику Фуко» из книги Хаима Виталя «Эц хаим» (1:4)

והנה בהיות אור הא"ס נמשך
בבחינת קו ישר תוך החלל
הנ"ל, לא נמשך ונתפשט תכף
עד למטה. אמנם היה מתפשט לאט
לאט. רוצה לומר, כי בתחלה התחיל
קו האור להתפשט ושם תכף
בתחלת התפשטותו בסוד קו
נתפשט ונמשך ונעשה כעיץ
גלגל אחד עגול מסביב.

И вот свет Бесконечности (Эйн-Соф) простирался в виде прямой линии посреди бесконечной пустоты, и простирался, и распространился до самого низа не сразу, но распространялся очень медленно, т.е. сначала он распространялся как луч света, и сразу в начале распространения своего в тайне линии простирался, распространялся и расходился подобно кругу, окружающему себя.

1. Отрывок из «Маятника Фуко» №1

Я вспоминаю (вспоминал вчера) для того, чтобы ввести какой-то смысл в неразбериху нашего поспешного сотворения. Сейчас, как и вчера в перископе, я устанавливаю себя в некоей отдаленной точке сознания и раскручиваю из нее рассказ. Точно как с Маятником. Диоталлеви говорил мне, что первая сефира — это Кетер, Венец, первопричина, первоначальная пустота. Сначала Он сотворил точку, которая стала Мыслью, где Он начертал все фигуры... Он был и Он не был, заточенный в имени и убежавший имени, не имел иного имени, кроме «Кто?», — одно только желание прозываться именем... В начале Он начертал знаки на воздухе, темный свет вышел из Его потаенной глубины, как бесцветный туман, дарующий форму бесформенному, и как только Он начал распространяться, в Его середине забили источники пламени, и пламена разлились и озарили нижние сефирот вплоть до самой нижней — сефиры Царства.

2. Отрывок из «Маятника Фуко» №2

Растрескивание сосудов — продолжал Диоталлеви озабоченно, — это серьезная катастрофа. Нет ничего менее пригодного для жизни, чем неудавшийся мир. Должно быть, с самого начала космос имел какой-то дефект, однако даже наимудрейшим раввинам не удалось полностью его объяснить. Может быть, в тот момент, когда Бог делал выдох, в первоначальной емкости осталось несколько капель масла, материальный осадок, *reshimu*. и Бог распространился вместе с этим осадком. Или же раковины, *qelippot*, бациллы разрушения, поджидали где-то, затаясь.

— Липкие ребята эти *qelippot* — вмешался Бельбо, — агенты дьявольского доктора Фу Манчу... Ну, а потом?

— А потом, — спокойно объяснял Диоталлеви, — в свете Сурового Суда, Гевуры, называемой также Пехад, или Страх, в свете сефиры, где, согласно Исааку Слепому, Зло выставляется напоказ, раковины обрели реальное существование.

— И находятся среди нас, — подсказал Бельбо.

— Только посмотри вокруг — добавил Диоталлеви.

— Но можно ли из них выйти?

— Скорее можно в них войти, — ответил Диоталлеви.

3. Отрывок из «Маятника Фуко» №3

— Друг мой, — отвечал Диоталлеви, — ты никогда ничего не поймешь. Да, это правда, что Тора — я имею в виду, разумеется, видимую Тору — есть лишь одна из перестановок-пермутаций букв, составляющих вековечную Тору, какую создал ее Творец и какой ее дал Адаму. Пермутируя столетие за столетием буквы в этой Торе, возможно рано или поздно взойти к Торе изначальной. Но важен не результат. Важен процесс, то есть та истовость, с которой мы бесконечно обращаем жернова моления и писания, составляя истину из малых крупниц... Этому посвятил всю жизнь Авраам Абулафия, в то время как ваш Святой Фома из кожи вылезал, отыскивая Бога на своих пяти тропинках. «Хохмат га-Зеруф» Абулафии в равной степени явилась учением о пермутации литер и учением об очищении душ. Мистическая логика, мир букв и их коловращение в бесконечной взаимозаменяемости — это и есть мир блаженства. Наука сопоставлений — музыка для рассудка, однако имей в виду, надо двигаться осторожно, с особой медленностью... (Ведь) всякая буква увязана с какой-либо частью организма, и если ты сдвинешь с места одну согласную, не понимая ее силы, один из твоих органов сойдет со своего места, игра природы, и тебя всего перекорежит как снаружи, на всю жизнь, так и внутри, на вечные времена.

4. Орывок из книги Абулафии «Имре шефер»

Человек должен быть чрезвычайно осторожен, чтобы не сдвинуть согласную или гласную букву с ее места. Ибо если он ошибется при чтении буквы, управляющей определенным членом, этот член может отторгнуться от тела и сменить свое место, и в тот же миг переменить свою природу и принять другую форму, вследствие чего человек может стать калекой.

5. Орывок из «Маятника Фуко» №4

А что же такое клетки? Месяц за месяцем, как набожные раввины, мы произносили разные комбинации букв Книги, GCC, CGC, GCG, CGG. То, что говорили наши губы, заучивали наши клетки. А что сделали мои клетки? Они придумали другой План и теперь движутся по своему усмотрению. Мои клетки придумывают историю, которая отличается от истории человечества. Мои клетки усвоили, что можно ругаться, анаграммируя Книгу и все книги мира. И они научили этому мое тело. Они совершают инверсию, транспозицию, альтерацию, пермутацию, создают невиданные доселе и лишённые смысла клетки или клетки, смысл которых противоположен здоровому. Должен ведь быть правильный смысл и смысл ошибочный, иначе наступает смерть.

Избранная библиография

1. К.Бурмистров. Еврейская философия и каббала. История, проблемы, влияния. М. 2013
2. К.Бурмистров. «Ибо он как огонь плавильщика»: каббала и алхимия. М.2009
3. М.Идель. Каббала: новые перспективы. М.-И. 2010
4. М.Идель. Раймонд Луллий и экстатическая каббала. // Двоеточие, 2010
5. Г.Шодем. Основные течения в еврейской мистике. М.-И. 2004.
6. У.Эко. Поиски совершенного языка в европейской культуре. М. 2007
7. M.Idel. Language, Torah, and Hermeneutics in Abraham Abulafia. N.Y.1989
8. M.Idel. Umberto Eco und die Kabbala. Gedanken zum Foucaultischen Pendel. in: Jüdischer Almanach 1997/5757 des Leo Baeck Instituts, hrsg. von Jakob Hessing, Frankfurt a. M. 1996, S. 141–150.
9. Andreas B. Kilcher. Die Sprachtheorie der Kabbala als ästhetisches Paradigma: die Konstruktion einer ästhetischen Kabbala seit der frühen Neuzeit. 1998
10. Sanford L Drob. Kabbalah and Postmodernism. N.Y., 2009.

Источники к лекции Михаила Визеля

1. Умберто Эко. Эмбрионы без царствия небесного

Данное выступление не претендует на то, чтобы осветить проблемы аборт, стволовых клеток, эмбрионов и так называемого «права на жизнь» с философской, теологической и биоэтической точек зрения. Мой доклад носит характер сугубо исторический и имеет своей целью показать, что думал по данному вопросу Фома Аквинский. Самое большее, на что я претендую — что реконструкция его взглядов, отличных от взглядов Церкви, покажется любопытной.

Спор этот ведется давно, он возник у Оригена, который утверждал, что Бог сотворил человеческие души изначально. Мнение это было немедленно оспорено, в том числе — в свете слов из Бытия (2,7): «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Итак, согласно Библии, сначала Бог сотворил тело, а потом вдохнул в него душу, и это стало официальной доктриной Церкви, известной как «креационизм». Но такой подход создавал определённые проблемы в отношении первородного греха. Если душа не передается от родителей, почему же дети не свободны от первородного греха и, следовательно, должны быть крещены? Тертуллиан (в *De anima*¹) утверждал, что душа родителя «переводится» (*traduce*) от отца к сыну через семя. Но такой «традуцизм» был немедленно сочтен еретическим, потому что подразумевал материальную природу души.

Кого это должно было смутить — так это Бл. Августина, которому приходилось иметь дело с пелагианцами, отрицающими передачу первородного греха. Так что он с одной стороны поддерживал креационистскую доктрину (против телесного традуцизма), а с другой — отстаивал своего рода традуцизм духовный. Но все комментаторы находят его позицию весьма непоследовательной. Августин попытался принять традуцизм, но в конце концов в Послании 190-го года он признаёт собственную неопределённость в этом вопросе и замечает, что Святое писание не настаивает ни на традуцизме, ни на креационизме. Смотри также его колебания между двумя тезисами в *De genesi ad litteram*².

<...>

Questo mio intervento non intende sostenere posizioni filosofiche, teologiche e bioetiche sui problemi dell'aborto, delle cellule staminali, degli embrioni e della cosiddetta difesa della vita. Il mio intervento ha carattere puramente storico e intende raccontare che cosa pensava in merito san Tommaso d'Aquino. Al massimo, il fatto che la pensasse diversamente dalla Chiesa attuale rende la mia ricostruzione particolarmente curiosa.

¹ «О душе»

² «О Книге бытия буквально»

Il dibattito è antichissimo, nasce con origine, che riteneva che dio avesse creato sin dalle origini le anime umane. L'opinione era stata subito confutata, anche alla luce dell'espressione del Genesi (2,7) per cui "il Signore formò l'uomo con la polvere del suolo e gli ispirò nelle nari un alito di vita, e l'uomo diventò anima vivente". dunque nella Bibbia prima dio crea il corpo, e poi gli insuffla l'anima, e questa dottrina, che è divenuta quella ufficiale della Chiesa, si chiama creazionismo. Ma questa posizione poneva problemi a proposito della trasmissione del peccato originale. Se l'anima non viene trasmessa dai genitori, perché i bambini non sono liberi dal peccato originale a tal punto che devono gli embrioni fuori del paradiso essere battezzati? Così Tertulliano (*De anima*) aveva sostenuto che l'anima del genitore si "traduce" di padre in figlio attraverso il seme. Ma il traducianesimo fu subito giudicato eretico, perché presumeva una origine materiale dell'anima.

Chi si era trovato imbarazzato era stato sant'Agostino, che doveva vedersela coi pelagiani, i quali negavano la trasmissione del peccato originale. egli pertanto da un lato sostiene la dottrina creazionista (contro il traducianesimo corporale) e dall'altro ammette una sorta di traducianesimo spirituale. Ma tutti i commentatori giudicano la sua posizione abbastanza contorta. Agostino era stato tentato di accettare il traducianesimo, ma infine nell'Epistola 190 confessa la propria incertezza al riguardo e osserva che le Sacre Scritture non sostengono né traducianesimo né creazionismo. Vedi anche il suo oscillare tra le due tesi in *De genesi ad litteram*.

2. Умберто Эко. Mac vs DOS

Нигде еще не нашла отражения та новая религиозная война, которая подспудно преобразует современный мир.

Дело в том, что отныне мир делится на пользователей компьютеров «Макинтош» и пользователей компьютеров, совместимых с операционной системой MS-DOS. И, по моему глубокому убеждению, «Макинтош» — это католичество, а Dos — протестантство. Более того: «Макинтош» — это католичество времен Контрреформации, следующее принятой иезуитами программе воспитания *Ratio Studiorum*. Он дружелюбен, щедр, сговорчив, и указывает верующему шаг за шагом, что нужно делать, чтобы достичь — если уж не царствия небесного, так момента окончательной печати документа. Это как катехизис, суть Откровения объяснена доходчивыми словами и яркими картинками.

DOS — это протестантство, кальвинистского толка. Оставляет свободу в толковании Писания, требует личных и выстраданных решений, навязывает изощренную герменевтику и считает само собой разумеющимся, что спасение приготовлено не для каждого. Чтобы заставить систему работать, нужно самому интерпретировать программу: далекий от барочного единения прихожан, пользователь остается наедине со своими мучительными внутренними сомнениями.

Мне возражат, что с приходом Windows мир DOS'а приблизился к контрреформатской терпимости «Макинтоша». Действительно, Windows представляет собой схизму наподобие англиканства: пышные церемонии в соборе, но возможность незамедлительно вернуться в DOS и внести фундаментальные изменения, необходимые для принятия неожиданных решений. В конце концов, рукополагать в священники стали и женщин, и геев.

Само собой, католицизм и протестантство двух операционных систем не имеет никакого отношения к культурной и религиозной позиции их пользователей. Однажды я обнаружил, что суровый и непреклонный Фортини пользуется «Макинтошем», кто бы мог подумать. Но возникает вопрос: не принесет ли в отдаленном будущем использование той или иной системы глубокие внутренние изменения? Можно ли было работать в DOS'е и поддерживать Вандейский мятеж? И наоборот: писал бы Селин в Word, WordPerfect или WordStar? Мог ли Декарт программировать в Паскале?

Но разве не машинный язык определяет с самого основания участь обеих операционных систем или, если угодно, сред? Ну, это материя ветхозаветная, талмудическая и кабалистическая. Ох уж, вечно это еврейское лобби...

Примечание 1999 года: Эта заметка была написана шесть лет назад. С того времени кое-что изменилось. Новые релизы Windows 95 и 98 несомненно сделали ее католичеством времен Тридентского собора, вместе с Маками. Роль протестантизма перешла в руки Linux. Но оппозиция остается в силе (1999).

Non si è mai riflettuto abbastanza sulla nuova lotta di religione che sta sotterraneamente modificando il mondo contemporaneo.

Il fatto è che ormai il mondo si divide tra utenti del computer Macintosh e utenti dei computer compatibili col sistema operativo Ms-Dos. È mia profonda persuasione che il Macintosh sia cattolico e il Dos protestante. Anzi, il Macintosh è cattolico controriformista, e risente della “*ratio studiorum*” dei gesuiti. È festoso, amichevole, conciliante, dice al fedele come deve procedere passo per passo per raggiungere – se non il regno dei cieli – il momento della stampa finale del documento. È catechistico, l'essenza della rivelazione è risolta in formule comprensibili e in icone sontuose. Tutti hanno diritto alla salvezza.

Il Dos è protestante, addirittura calvinista. Prevede una libera interpretazione delle scritture, chiede decisioni personali e sofferte, impone una ermeneutica sottile, dà per scontato che la salvezza non è alla portata di tutti. Per fare funzionare il sistema si richiedono atti personali di interpretazione del programma: lontano dalla comunità barocca dei festanti, l'utente è chiuso nella solitudine del proprio rovello interiore.

Mi si obietterà che, col passaggio a Windows, l'universo del Dos si è avvicinato alla tolleranza controriformistica del Macintosh. È vero: Windows rappresenta uno scisma di tipo anglicano, grandi cerimonie nella cattedrale, ma possibilità di subitanei ritorni al Dos per modificare un sacco di cose in base a bizzarre decisioni: in fin dei conti si può conferire il sacerdozio anche alle donne e ai gay.

Naturalmente cattolicesimo e protestantesimo dei due sistemi non hanno nulla a che fare con le posizioni culturali e religiose degli utenti. Ho scoperto un giorno che il severo e tormentato Fortini usa il Macintosh, cose da non credere. Però c'è da chiedersi se alla lontana, col tempo e con le nespole, l'uso di un sistema piuttosto che l'altro non

porti anche a profonde modificazioni interiori. Davvero si può usare il Dos e tifare per la Vandea? E inoltre: Céline avrebbe scritto con Word, Word Perfect o Wordstar? Cartesio avrebbe programmato in Pascal?

È il linguaggio macchina, che decide al di sotto del destino di entrambi i sistemi o ambienti che dir si voglia? Eh, quello è veterotestamentario, talmudico e cabalistico. Ahi, sempre la lobby ebraica...¹

1994

3. Умберто Эко. Не пугайтесь гипертекста

Недавно я болтал с одним другом-писателем, который был несколько смущен, вернувшись с конгресса, где говорили о гипертексте. Гипертекст – это такая чертовщина, которая позволяет компьютерному пользователю «перемещаться» (как это называется) по всему тексту, сравнивая одновременно несколько фрагментов, устанавливая соответствия между различными местами, самостоятельно изыскивая пересечения, аллюзии, связи... Это чрезвычайно полезно для множества вещей, в первую очередь в учебных и справочных материалах, но дело в том, что мой друг слышал также и разговоры о деятельности литературной.

«Они там говорят, что это будет другой вид письма. Что каждый сможет перемещаться по произведению как кому заблагорассудится. Что это новая область творчества». Разумеется, он боится оказаться на обочине. Я пытался его успокоить. С помощью хорошего гипертекста можно обнаружить в «Божественной комедии» все строки, заканчивающиеся словом «ответ» (их 14, для справки³) и пожалуй даже напечатать подряд, как буриме на одну рифму, но если кто-то захочет прочитать песнь в блаженной тишине, у него быстро устанут глаза, и лучше будет вернуться к печатному изданию.

«Но мне говорили, дело дойдет до романов с развилками, побочными ветвями и множественными финалами, и о том, что кто угодно сможет приделать свой собственный...». Да успокойся ты, сказал я ему. Не говоря уж о том, что для таких штук совсем не нужен гипертекст, я проделывал это и раньше с помощью маленькой программки на Бейсике, людям нужно совсем не это. «Ты уверен»? Ох уж мне эти интеллектуалы. Единственный спорт, который они признают – это дрожать от страха, что настанут плохие времена для книг. И со времен клинописных табличек натываются все на те же грабли. Послушай, сказал я ему, вот у меня здесь последняя книга Юрия Лотмана - «Культура и взрыв». Это не последняя его переведенная книга, а просто последняя, она появилась в России в этом году⁴. В ней идет речь о множестве вещей, их не перескажешь в двух словах, но в определенный момент, в четвертой главе, упоминаются известные слова Чехова о ружье. «А это не Пушкин говорил?» Не знаю, порою их приписывают Чехову, порой – Пушкину, но раз Лотман говорит – Чехов, я ему верю.

Это знаменитый совет – если в рассказе сначала описывается или в пьесе в первом акте показывается висящее на стене ружье, то в конце это ружье непременно долж-

³ Желающие могут убедиться в этом на странице <http://web.micronet.it/italian/mariobiondi/motori/divina.html>, где реализован полнотекстовый поиск по всему тексту «Комедии». В русском переводе Лозинского на слово «ответ» в разных падежных формах оканчиваются 32 строки, не считая форм глагола «ответить».

⁴ Книга была опубликована в московском издательстве «Гнозис» в предыдущем, 1992 году и действительно оказалась последней прижизненной книгой Ю.М. Лотмана.

но выстрелить. Так вот, говорит Лотман, «чеховское правило имело смысл лишь в рамках определенного жанра, к тому же отстоявшегося уже в застывшие формы. На самом деле, именно незнание того, выстрелит ружье или нет, окажется ли выстрел смертельной раной или же лишь имитирующим ее падением банки, придает моменту сюжетную значимость».

А немного выше он говорит: «Мысленно поместив себя в то «настоящее время», которое реализовано в тексте (например, в *данной* картине, в момент, когда я на нее смотрю), зритель как бы обращает свой взор в прошлое, которое сходится как конус, упирающийся вершиной в настоящее время. Обращаясь в будущее, аудитория погружается в пучок возможностей, еще не совершивших своего потенциального выбора».

Понимаешь? И ты думаешь, читатель захочет отказываться от этого напряжения, от этого трепета, чтобы самому решать, как всё закончится? Роман ведь читают, чтобы переживать за чью-то судьбу. Иметь возможность решать судьбу персонажей – это все равно что придти в турагенство: «Итак, где желаете встретить кита? На Самоа или на Алеутах? С билетом «вокруг света» цена одинаковая...»

В романе происходит множество вещей, и каждая из них, возможно, что-то значит, будь то движение облаков по небу или мелькание ящерицы между камнями. Послушаем Лотмана: «Неизвестность будущего позволяет приписывать значимость всему» Это прекрасно – открывать, что важно, не зная этого сразу. Рано или поздно ты узнаешь, за чем именно надо было следить внимательнее (или в прямом смысле смотреть внимательнее). Порою так и не узнаешь, и для тогда следует перечитывать, а при перечитывании меняется также и смысл истории. Но и поначалу, и в ходе чтения, приходится разгадывать загадки, и это на совести автора.

И ты хочешь, чтобы люди платили за то, чтобы решать, женится ли Ренцо на Лючии! Пожалуй, один раз, смеху ради, как в луна-парковом лото. Но читать истории – это другая история.

«Так я не должен бояться за свою судьбу?» - спросил друг. «Ну, в каком-то смысле – да, должен... потому что пишешь ужасные романы! Но это тоже другая история». (Примечание: эта апология была вдохновлена беседой с другом, который на самом деле пишет прекрасные романы. Но мне понадобился мальчик для битья, чтобы закончить эту Коробочку).

Chiacchierata con l'amico scrittore, che torna, un poco perplesso, da un convegno in cui ha sentito parlare di ipertesto. L'ipertesto è quella diavoleria che permette all'utente di un computer di "navigare", come si dice, all'interno di un testo, vedendone contemporaneamente più parti, ponendone in rapporto punti diversi, individuando incroci, connessioni, nodi... È utilissimo per una grande quantità di cose, in particolare per lavori di consultazione e per la didattica, ma il mio amico ne ha sentito parlare in connessione con l'attività letteraria.

"Dicono che sarà diverso il modo di leggere. Che ciascuno potrà navigare nell'opera come meglio crede. Che nasce una nuova stagione artistica." Decisamente ha paura di rimanere obsoleto. Cerco di tranquillizzarlo. Con un buon ipertesto si possono trovare nella *Divina Commedia* tutti i versi che terminano con "rispuose" (sono 14, per la cronaca) e magari stamparli come se fosse una tiritera a rima costante, ma se uno vuole leggersi un canto in santa pace, sullo schermo si consuma gli occhi, e va ancora bene una edizione a stampa.

"Ma mi hanno detto che si potranno finalmente fare romanzi con diramazioni, esiti e finali multipli, e ciascuno poi si stampa il proprio..." Stai tranquillo, gli dico, a parte che per questo non è necessario l'ipertesto, lo si poteva fare anche prima con un programmino in Basic, non è questo che la gente vuole. "Perché?" mi chiede. Oh santa pace, questi intellettuali. L'unico sport che sanno praticare è il timore che corrano tempi oscuri per il libro. È dal tempo dei caratteri cuneiformi che ritornano su questo chiodo. Ascolta, gli dico, qui c'è l'ultimo libro di Jurij Lotman *La cultura e l'esplosione* (Feltrinelli). Non è l'ultima traduzione soltanto, è proprio l'ultimo libro, è apparso in Russia quest'anno. Parla di tante cose, e non è che si possa riassumere in due parole, ma a un certo punto, nel quarto capitolo, riprende la storia di quel detto di Čechov, quello del fucile. "Ma non era di

Puškin?” Non so, ogni tanto la sento attribuire a Čechov, ogni tanto a Puškin, ma se Lotman dice Čechov, ci credo.

E la famosa raccomandazione che se in un racconto viene descritto all'inizio o in un dramma viene mostrato nel primo atto un fucile appeso alla parete, prima della fine quel fucile deve sparare. Ebbene, dice Lotman, “la regola di Čechov aveva senso solo nell'ambito di un genere definito, per di più ormai definitivamente cristallizzato. In realtà, proprio il non sapere se il fucile sparerà o no, se lo sparo provocherà una ferita mortale o risulterà essere soltanto la caduta di un barattolo, che ne imita il suono, conferisce significatività all'intreccio.”

E poco prima aveva detto: “Lo spettatore, collocandosi con il pensiero in quel ‘tempo presente’, che è realizzato nel testo (per esempio, nel ‘dato’ quadro, nel momento nel quale io lo guardo), è come se rivolgesse il proprio sguardo al passato, il quale si stringe come un cono che poggia con la punta nel tempo presente. Rivolgendosi verso il futuro, il pubblico si sprofonda in un fascio di possibilità che non hanno ancora compiuto la loro scelta potenziale.”

Capito? E tu pensi che il lettore voglia perdere questa tensione, questo spasimo, per decidere lui come andrà a finire? Ma un romanzo lo si legge per provare il brivido del destino. Se potessi decidere del destino dei personaggi, sarebbe come andare al banco di una agenzia di viaggi: “Allora dove vuole trovare la Balena, alle Samoa o alle Aleutine? Col ticket Giro del Mondo costa lo stesso...”

In un romanzo ci sono tante cose, si dice persino – che so – che sta passando una nuvola in cielo, o che striscia una lucertola tra i sassi. Senti Lotman: “L'ignoranza del futuro permette di attribuire un significato a tutto.” Questo è il bello. Scoprire che cosa importa, e non saperlo ancora. Poi alla fine, caso mai, saprai che cosa dovevi guardare meglio (o vedere, addirittura) – e certe volte non lo saprai neppure, e per questo dovrai rileggere, e rileggendo ti cambierà anche il significato della storia. Ma all'inizio, e durante la lettura, sei nel pieno di una inchiesta, e il colpevole è l'autore.

E tu vuoi che la gente paghi per decidere se Renzo sposerà Lucia. Magari una volta, per gioco, come si va al tirasegno o al Tre Palle un Soldo. Ma leggere storie è un'altra storia.

“Davvero non debbo temere per il mio futuro?” – chiede l'amico. “Sì, in un certo senso sì, devi temere, ma perché scrivi brutti romanzi di tuo – e anche questa è un'altra storia.” (Nota. Questo apologo mi è stato ispirato da una conversazione con un amico che invece scrive bellissimi romanzi. Ma avevo bisogno di una testa di turco per terminare la Bustina.)

1993

4. Умберто Эко. Сказать почти то же самое

Иногда я задаюсь вопросом: не пишу ли я романы только для того, чтобы позволить себе все эти отсылки, понятные лишь мне самому? Но при этом я чувствую себя художником, который расписывает камчатую ткань и среди завитков, цветков и щитков помещает едва заметные начальные буквы имени своей возлюбленной. Если их не различит даже она, это неважно: ведь поступки, вдохновленные любовью, совершаются бескорыстно.

5. Умберто Эко. Синагога Сатаны и Протоколы сионских мудрецов

То, что евреи заключили договор с нечистой силой, а значит, и Сатана, и грядущий Антихрист явно отдали бы предпочтение синагоге, — мысль не новая: ее выпестовал традиционный антисемитизм, и она появляется во множестве средневековых текстов. Но формулировка «синагога Сатаны» типична для антисемитизма XIX века.

В 1797 году аббат Баррюэль написал «Мемуары к истории якобинства», где показал, что Французская революция была заговором тамплиеров и масонов, к которому принадлежали Вольтер, Дидро, Тюрго, Кондорсе, д'Аламбер и Гольбах. Евреев Баррюэль не упоминал, но чуть позже некий капитан Симонини поставил ему на вид, что за кулисами стояли именно коварные иудеи, подхватившие традицию Горного Старца¹ (который, кстати сказать, был вообще мусульманин). С этого момента и начинается широкое, в международном масштабе обсуждение еврейского интернационала как подстрекателя всех революций. В 1868 году прусский реакционер Герман Гедше написал под псевдонимом Джон Ретклифф роман «Биарриц», где изображается, как представители двенадцати колен Израилевых встречаются ночью на кладбище в Праге и сговариваются захватить власть над миром. Чуть позже отрывок из этого повествования появляется как подлинный документ, якобы попавший в руки английского дипломата Джона Рэдклиффа, а в книге Бурмана («Иудеи, наши современники», 1881) подрывная речь приписывается главному

¹ *Горный Старец* — глава раннесредневековой мусульманской секты хашимитов (асасинов), часто называемых террористами Средневековья.

равнину Джону Рэдклифу, на этот раз через одно «ф». Фальшивку подхватывает «Ревю дез этюд жуиф», и через длинный ряд подложных документов она наконец ложится в основу так называемых «Протоколов».

В католическом лагере эта идея несколько раз появляется в работах Гугено де Муссо¹, особенно в книге «Евреи, иудаизм и иудаизация христианских народов» (1869), и автор получает особое благословение Пия IX. А термин, о котором мы говорим, вошел в обиход после появления в 1893 году книги «Франкмасонство — сынагога Сатаны», которую написал монсиньор Мёрин, иезуит, архиепископ Порт-Луи на Маврикии. В обширном, более пятисот страниц, труде прелат ударяется в углубленный анализ еврейской каббалы, связывает ее с традицией гностиков и манихеев, с тамплиерами и наконец с рождением масонства, которое якобы тоже выдумали евреи. Он долго рассказывает о том, как Сатана являлся в ложи; показывает тесную связь между масонскими ступенями и еврейской мистикой.

То, как эта тема переходит из немецких и русских реакционных кругов в публицистику французских и итальянских иезуитов и к французским крайне правым кругам, опираясь на один и тот же весьма ограниченный набор апокрифов, детально воссоздано в книге, которую всем нам следовало бы прочесть: «Лицензия на геноцид» Нормана Кона². Кон, разумеется, разоблачает блеф, но другие авторы используют те же самые элементы для воссоздания мифа. Большой популярностью пользовалась изданная в 1924 году книга некоей Несты Уэбстер «Тайные общества и подрывные движения», где свалены

¹ *Роже Гугено де Муссо* (1805–1876) – французский журналист и писатель.

² *Норман Кон* (1915–2007) – английский историк и писатель.

Provo grande ammirazione per il cardinal Pappalardo, e per la sua nobile e appassionata crociata. Ritengo che, nel lanciare il suo anatema contro i criminali, egli abbia usato l'espressione "Sinagoga di Satana" come frase fatta a cui evidentemente attribuiva efficacia retorica. Ma la gaffe rimane, ed è naturale che la comunità ebraica italiana si sia risentita.

Perché può venire alla mente "Sinagoga di Satana" anziché, per dire, cattedrale di Satana o tempio del demonio? L'espressione ha una sua storia. Ho letto sui giornali che qualcuno ha detto che il termine viene dai *Protocolli dei Savi anziani di Sion*, che come è noto fu la bibbia dell'antisemitismo e il libro da comodino di Hitler. È inesatto: i *Protocolli* dicono ben di peggio ma non quello, perché figurano scritti in prima persona dagli ebrei i quali, se il falso doveva risultare verosimile, non potevano autodefinirsi come emissari di Satana. Caso mai è l'editore russo dei *Protocolli*, Sergiej Nilus, che nel commentare il pamphlet, nel 1905, dice che il re trionfatore di Israele, e cioè l'Anticristo, si avvicina al trono della potenza universale "con tutta la potenza e il terrore di Satana."

Che gli ebrei stringessero patti col demonio e che quindi o Satana o l'Anticristo venturo prediligessero le sinagoghe, è idea dell'antisemitismo tradizionale che appare in vari testi medievali. Ma la formulazione Sinagoga di Satana è tipica dell'antisemitismo del XIX secolo.

Nel 1797 l'abate Barruel aveva scritto *Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme* per mostrare come la Rivoluzione francese fosse un complotto templare e massonico, di cui facevano parte Voltaire, Diderot, Turgot, Condorcet, d'Alembert e d'Holbach. Barruel non nominava gli ebrei, ma più tardi un certo capitano Simonini gli fa notare che dietro alle quinte agivano soprattutto i perfidi giudei, i quali seguivano la tradizione del Veglio della Montagna (che caso mai, osservo, era musulmano). Solo dopo quel punto inizia la polemica sull'in-

тернационале ebraica come fomite di tutte le rivoluzioni. Nel 1868 un reazionario prussiano, Hermann Goedsche, aveva scritto, sotto il nome di John Readcliff, un romanzo, *Biarritz*, descrivendo un incontro notturno, nel cimitero di Praga, tra i rappresentanti delle dodici tribù di Israele, che si accordano per la conquista del mondo. Più tardi il brano narrativo riappare come documento autenticamente raccolto dal diplomatico inglese John Readcliff, e nel libro di Bourmand (*Les juifs, nos contemporains*, 1881) il discorso eversivo viene attribuito al rabbino capo John Readclif, questa volta con una effe sola. Il falso verrà ripreso dalla *Revue des études juifs* e, attraverso altre falsificazioni, va infine a nutrire la redazione dei falsi *Protocolli*.

In campo cattolico l'idea appare a varie riprese nelle opere di Gougenot de Mousseaux, in particolare *Les juifs, le judaïsme et la judaïsation des peuples chrétiens* (1869), e l'autore riceve una benedizione speciale da Pio IX. Il termine è stato reso popolare dal libro *La Franc-Maçonnerie Synagogue de Satan*, di Monsignor Meurin, gesuita, arcivescovo di Port-Louis (Mauritius), 1893. In quest'opera di cinquecento e passa pagine il prelado inizia da una approfondita analisi della Cabala ebraica, la collega alla tradizione gnostica e manichea, ai templari e infine alla nascita della massoneria, vista come invenzione ebraica. Parla a lungo dell'apparizione di Satana nelle logge, mostra gli stretti rapporti tra gradi massonici e mistica ebraica.

Come lo stesso tema passi da gruppi reazionari tedeschi e russi alla pubblicistica gesuitica francese e italiana e ai gruppi dell'estrema destra francese, sviluppando sempre uno stesso corpus molto limitato di apocrifi, è minutamente ricostruito in un libro che tutti dovrebbero leggere, *Licenza per un genocidio*, di Norman Cohn, tradotto da Einaudi. Cohn naturalmente demistifica la montatura, ma altri autori avevano usato gli stessi elementi per sostenere il mito, e popolarissimo è stato il libro di tale Nesta Webster, *Secret societies and subversive movements*, del 1924, che mette in un solo calderone massoneria, socialismo, bolscevismo e pericolo giudaico (come d'altronde poi la propaganda nazifascista).

In conclusione, l'espressione "Sinagoga di Satana" circola per lo più negli ambienti cattolici legittimisti dell'Ottocento e ha ispirato anche un filone romanzesco e popolare (si pensi a padre Bresciani) di cui rimangono chissà quanti avanzi nelle polverose biblioteche di alcuni seminari vescovili. È una frase fatta che si trascina dietro l'odore delle proprie origini, anche quando è usata nell'enfasi di una benintenzionata predicazione.

1992

אשכולות
КУЛЬТУРООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

Istituto
Italiano
di
Cultura
совместно
с Итальянским
институтом
культуры
в Москве